

Николенко Анастасия Алексеевна (Николь Воскресная) родилась 10 апреля 1990 года. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права ВГУЭС. Член Союза писателей России.

ИЗДАННЫЕ КНИГИ:

1. *Акварели, сборник, (издательство Русской остров) г. Владивосток, 2011.*
2. *Гранат, сборник, (издательство Русской остров). г. Владивосток, 2015.*
3. *Никтофобия, сборник, (издательство Десятая муза). г. Саратов 2016.*
4. *«Дагерротип» (2020, «Ньюанс», Таганрог), (2021, «Федор Филев», Краснодар). Имеет публикации своего творчества во многих альманахах и журналах.*

Безымянное

Цвет неба за минуту до грозы
отображает лишь изнеможение
существования, поставленного на паузу.

Как подобрать звучанье, подходящее для тишины?
Так, словно бы часы – лишь отражение
Текущего, напрасно и так праздно,
времени.

Ведь тишина – отсутствующий звук,
утраченный реальностью фрагмент,
как брак, проявленный на фото,

случайный отпечаток чьих-то рук,
несуществующий предмет,
безмолвная и неживая тень кого-то,
кто не имеет имени.

Пять

Будущее не выйдет гулять,
кофемолка времени заржавела и крутит назад.
Сбросьте солнца жёлтый резиновый мяч
из окна в повседневный ад.

Как чудовище из детской сказки:
Быт – наследник комиссионков,
где в бутылочке яд из печальной ласки,
безымянна бесчисленность легионов.

Там, где некогда быть счастливым,
а прекрасное некогда поистрепалось,
жизнь уходит волной отлива
из тех мест, где она начиналась.

* * *

Выбери себе сторону!
Нет такой стороны.
Алые ягоды, чёрные вороны,
волки моей страны.

Зло – всего лишь профессия,
ремесло, освоенное на зубок:
сеятель мракобесия,
жнец недописанных строк.

Дудочнику платят золотом,
а тому, кто кроит раздор,
судьба быть раскалённым порохом
сеять всепожирающий вздор.

V.

Это последняя станция.
Грудь – простреленная виолончель,
не соблюдай дистанцию
в пространстве, где ты ничей.

Мне так легко проклинать возлюбленных,
круг покинут, волна словно сеть,
и пахнет железом, как кровью загубленных
в городе, где так легко умереть.

* * *

В прокуренную и сырую ночь
выйти нравом, будто сродниться с нею,
мне равнодушия не превозмочь,
я каменею.

Не заблуждайся, твоё «хочу»,
не поводок, не цепь,
всеобжигающему лучу
какая цель?

Танцуй, изюминка-паук,
по тонкой ниточке из сна,
фальшивой властью чьих-то рук
не обречена...

* * *

Бездна часовых поясов:
время, предназначенное разделять.
Солнце возвращается на восток,
я познала морок, желание околдовать.

Это место крадёт тебя полностью,
белую пену тёмной, как море, души.
В слишком синее чересчур небо
вонзаются лопасти,
и мир больше тебе не принадлежит.

Не пережить происходящее, запечатлеть,
нарушая его бездыханность,
и всё пылающее станет тлеть,
и время отступит, а дым превратится в туманность.

* * *

В этом городе мне дорого море –
заклокотавшая гортанно бездна.
Я за тобою вернусь живою,
моя преданность тебе безвозмездна.

Мы придёмся к месту, вполголоса,
я ведь бродяга, чего мне петь.
Так бесстыдно черны твои волосы,
словно кожаная злая плеть.

А душа растёт, как хмель у дороги,
той дороги, ведущей в вечность.
Упоительны всё же тревоги:
растревоженная человечность.

* * *

В три часа ночи мозг пытался до кого-то дозвониться,
посылал гудки...
Линия была перегружена,
автоответчик больше не диктовал стихи.

Лампочками АТС светили звёзды.
Оператор никак не мог соединить.
Ночь безвылазна, ночь промозгла,
поперёк и вдоль невозможно прожить.

Абонент доступен, но не для всех.
Голова: телефонная будка, переговорный пункт.
Наберите хотя бы телеграфный текст,
без предлогов и точек: «проведи меня даже сквозь бунт».

* * *

Вода забирает вдох
и всё проходящее мимо,
становится шумом без слов
растянутая пантомима.

Цвет зла истинно серый,
как грифель карандаша,
как дождь, что смывает полоску мела,
которым очерчена чья-то душа.

Терзает не прикасаясь,
волна расцарапает камень.
Сильнее вдохнуть стараясь,
впускаешь в лёгкие пламя.

* * *

Монахом-схимником дерево после пожара
стоит и молится в пустоте,
и вся вода больше не отражает
ни этой боли, ни святости в черноте,

и долетают только обрывки, словно
вокруг оглохло всё, что слышать могло,
и истлевает молящийся скорбно,
и серый дым, как душа, из него...

* * *

Цвет недоступен, монохром.
Притворяться, что греет свет.
Заклинания на потом.
Море снега, и море-снег.

Обозначься пунктиром камней,
убегающих до воды
по застывшей соли морей,
где искать мне твои следы.

Пианино расстроено, ржавый трамвай,
телефонная будка пуста,
замолкает гудок, телефон устал,
проводник из ничто в никуда.

* * *

Яблоко слаще, чем грех первородства,
трепетнее вожделения,
красота притягивает
демонов или уродцев,
и ей не будет прощения...
Какое святое сиротство,
оно ли не наваждение.
Как проклятое господство,
наказанное отвращеньем.
Никто не заметит сходства
таланта с петлёй и мишенью...